

Театр

В. ШАВРИН.

Е. КАРА-ГЯУР.

Интервью «Вечерней Уфы»

Помещение оперного театра. Утром здесь нет спектакля. Но в фойе стоит сдержанный гул и так людно, как бывает разве что на премьере. Нет, это не зрители. Просто актеры нашего театра собираются в дорогу (на гастроли в Севастополь), утрясают последние организационные вопросы, а актеры Севастопольского театра уже прибыли к нам и готовятся сейчас к первым спектаклям, которые они покажут уфимскому зрителю.

Директор Севастопольского театра Георгий Александрович Сащенко находит возможность в перерывах между репетициями организовать коротенькое интервью.

Мы беседуем сегодня с тремя актерами Севастопольского театра: Николаем Маруфовым, Валерием Шавриным и Евгением Кара-Гяуром. Итак, рассказывают...

Н. МАРУФОВ.

САМЫЕ ДОРОГИЕ РОЛИ

НИКОЛАЙ МАРУФОВ.

— Пожалуйста, несколько слов о том, как вы стали актером?

— В 1941 году меня и нескольких моих друзей на время школьных каникул (я тогда только окончил девятый класс) пригласили работать в Ставропольский театр, потому что молодые артисты почти все были призваны в армию. На это предложение я с удовольствием согласился и проработал в театре около года. Затем фронт. А после демобилизации снова вернулся в Ставрополь и поступил в студию при театре. Вот так, если следовать внешней схеме событий, я и стал актером.

— Николай Николаевич, что вы считаете главным в своей работе?

— По-моему, это—стремление с наибольшей психологической глубиной раскрывать образы. Исследовать характер, который ты изображаешь, всесторонне; понять и выразить его даже глубже, чем дал его автор; сказать на сцене не схему, а живого человека—вот что, по-моему, главное. В связи с этим хотел бы сказать несколько слов о спектакле «Гибель эскадры», который ставил у нас Г. А. Товстогов. Режиссер поставил перед нами именно эту задачу: углублять и детализировать характер, поэтому работа была необычайно интересной.

— А какая из ролей, в которых вас увидят уфимские зрители, вам наиболее дорога?

— Роль академика Дронова в спектакле по пьесе С. Аленина «Все остается людям». Роль сама по себе очень интересная и значительная. И интересно решил ее режиссер Владимир Ясногородский. Автор пьесы определил жанр как психологическую драму; мы же играем «Все остается людям»—публицистической трагедией. Трагедией потому, что Дронов в нашем спектакле умирает еще молодым, полным сил и творческого горения. А публицистическую окраску придают прямые обращения в зал, открытое воздействие на зрителя...

— Николай Николаевич, недавно вы снимались в фильме «Путь к сердцу». Насколько нам известно, это первая ваша крупная киноработа. Какие у вас впечатления от работы в кино?

— Сниматься в кино интересно, кроме того, я считаю, полезно для актера театра. Потому что в кино требуется более естественная органика, большая точность в передаче эмоций.

Вообще же я очень люблю театр. И, в частности, театр, в котором сейчас работаю.

— Что вы больше всего в нем цените?

— Творческий дух, дух неустанного поиска и, что не менее существенно, взаимопонимание.

ВАЛЕРИЙ ШАВРИН, заслуженный артист РСФСР.

— Валерий Александрович, ваш путь в театр?

— Вообще-то по образованию я инженер. Долгие годы участвовал в самодеятельности. А потом вдруг понял, что должен идти на сцену, неудержимо захотелось сказать зрителю что-то свое, оформить в сценических образах тот опыт, наблюдения, которые во мне накопились.

— Вы не только актер, но и драматург. Что для вас важнее?

— Честное слово, не знаю, никогда об этом не думал. Впрочем, одно, наверное, только помогает другому.

— Какие роли вы любите играть?

— На этот вопрос ответить непросто. С полной определенностью я мог бы сказать, что не люблю играть роли в своих пьесах.

Моя творческая биография складывалась таким образом, что я долгое время играл только комедийных персонажей. А потом мне предложили роль Блюхера. Я был преско напуган. Но режиссер верил в меня, и роль (говоришь «получилась» о своей работе неловко) в общем была принята и критикой, и зрителем. С тех пор я беру и за драматические роли.

В репертуаре, который мы привезли в Уфу, я с огромным удовольствием играю Кобзу в «Гибели эскадры». Георгий Александрович Товстогов отошел от обычного толкования этой роли. Как правило, Кобзу изображали стопроцентным злодеем, на которого только посмотришь и ясно, что за фрукт. В нашем спектакле Кобзу сразу не разгадаешь. Он подолб по своей сущности, но внешне—обаятельный весельчак.

— Валерий Александрович, как вы считаете: помогает ли зритель актеру?

— Считаю, что зритель актеру только помогает, в любом случае: и когда одобряет, и когда не одобряет. Ведь когда выходишь с новой работой в первый раз, то всегда в глубине души такое чувство: а черт его знает, что из этого получится. А зритель своей реакцией помогает расставить акценты. Если же зритель не реагирует на твою работу, остаешься холодным, значит, ты ему не нужен, вот и все.

ЕВГЕНИЙ КАРА-ГЯУР.

— Традиционный вопрос: как вы решаете стать актером?

— Наверное, на мое решение повлияло то художественное окружение, в котором

я рос. Я поступил в Киевский театральный институт и в 1956 году окончил его режиссерский факультет. С тех пор работаю в театре. Актер и режиссер.

— Что привлекает вас в театре?

— Меня как человека и гражданина интересуют все жизненные важные проблемы современности и возможность участвовать в разрешении этих проблем с помощью театрального искусства.

Театр (то есть тот театр, который осознает это своей миссией) я считаю мощным средним воздействием на общество. Мне кажется, мы, работники искусства, должны помогать нашей жизни становиться еще лучше, чем она есть. И не только показывая ярко и притягательно положительные черты, но и исследуя, вскрывая отрицательные.

В этом смысле для меня интересней стала работа над образом Ильи Лучинина в «Необыкновенном подарке». Этот человек страшен по своему существу, по той мечтательной морали, которую он исповедует. Но внешне он привлекателен, его мораль облечена в столь милый и невинный наряд, что мы и не распознаем ее сразу. Издешь меня заинтересовала такая психологическая проблема. Мой герой—обаятельный человек. И ему, благодаря лишь личному обаянию, прощаются вещи, которые в другом вызвали бы гнев и отвращение. В своей работе над образом Ильи Лучинина я стремился как-то провести мысль о том, что необходимо отличать чисто эмоциональное воздействие человека от его истинной сущности, быть принципиальным в оценке людей.

— Евгений Николаевич, каждый год театры выезжают на гастроли в другие города. Как вы себя чувствуете на гастролях?

— Каждый город приходится осваивать заново, потому что при всем том, что зрительный зал—всегда конгломерат самых разных характеров, вкусов—есть в каждом городе какие-то особенности восприятия, которые актер не может не учитывать. Я рад, что мы приехали в Башкирию. Для меня всегда интересно общение с культурой народов нашей страны.

Актеры снова уходят на репетиции. Мы прощаемся с ними, желаем творчески интересных, счастливых встреч с уфимскими зрителями.

Беседу вел Л. КОРШИН.

Фото В. Стрижковского.